

ЕПАРХІАЛЬНЫЯ ВѢДОМОСТИ

Выходятъ два раза
въ мѣсяць 1 и 16
числа. Цѣна за годъ
съ пересылкою
6 руб. 50 коп.

1894 г.
Юня 16 дня
№ 12.

Подписка прини-
мается въ редакціи
Епархіяльных Вѣ-
домостей при Якут-
ской духовной семп-
наріи.

Отдѣлъ оффиціальнѣй.

Отношеніе Якутскаго Областнаго Оспеннаго Комитета.

Отношеніе Якутскаго Областнаго Оспеннаго Комитета, отъ 8 апрѣля № 14, къ Его Преосвященству, Преосвященнѣйшему Епископу Якутскому Мелетію.

Ваше Преосвященство,
Милостивый Архипастырѣ!

Для усиленія дѣятельности по оспопрививанію въ Якутскомъ округѣ, по представленію моему, Г. Иркутскій Генераль-Губернаторъ утвердилъ новый личный составъ Якутскаго Окружнаго Оспеннаго Комитета, подъ предсѣдательствомъ областнаго медицинскаго инспектора, изъ членовъ: Ветеринарнаго врача Дмитриева, Якутскаго окружнаго исправника Климовскаго, священника о. Іоанна Попова и члена секретаря окружнаго врача Несмѣлова.

Объ этомъ Комитетъ считаетъ долгомъ сообщить Вашему Преосвященству, въ виду участія въ дѣлѣ оспопрививанія, въ качествѣ руководителей и наблюдателей за оспенными учениками священниковъ Якутскаго округа.

Отдѣль неофициальный.

Дѣятельность русскихъ пастырей для искорененія языческихъ суевѣрій въ народѣ. — Объявленіе.

Дѣятельность русскихъ пастырей для искорененія языческихъ суевѣрій въ народѣ.

(Церковно-историческій очеркъ).

Новая вѣра никогда не вытѣсняетъ сразу старую; прежняя вѣра не только значительное время продолжаетъ существовать самостоятельно на ряду съ новой, но иногда налагаетъ свой отпечатокъ на новое народное религіозное міросозерцаніе. Это общее явленіе сказалось болѣе всего у насъ на Руси при принятіи христіанства, благодаря особому складу язычества у нашихъ предковъ и тѣмъ условіямъ, при которыхъ совершилось у насъ распространеніе и утвержденіе христіанской вѣры, создавъ для нашей Церкви ту многовѣковую борьбу съ народными языческими суевѣріями, которая, проходя чрезъ всю нашу исторію, далеко не можетъ считаться законченной и теперь.

Славяно-русское язычество еще не успѣло окончательно развиться и сформироваться, когда стало распространяться у насъ на Руси христіанство. Религія язычниковъ-предковъ находилась въ это время только еще на переходной ступени отъ непосредственнаго поклоненія силамъ и явленіямъ природы къ олицетворенію этихъ силъ и явленій въ образахъ личныхъ божествъ, отъ первичнаго домашняго служенія богамъ къ служенію имъ общественному—съ храмами, опредѣленной обрядностью и сословіемъ жрецовъ. Славянинъ-язычникъ не успѣлъ

еще выработать въ своемъ сознаниі высшихъ, отвлеченныхъ понятій о божествѣ, связать ихъ съ извѣстными опредѣленными личностями, которымъ бы могъ дать опредѣленное религиозное представленіе. Въ его сознаниі высшаго божества, какъ высшая степень религіознаго отвлеченія, требующая болѣе высокаго интеллектуальнаго развитія, чѣмъ на какомъ стояли наши предки въ періодъ язычества, были неопредѣленны и туманны, и его поклоненіе имъ относилось непосредственно къ самымъ силамъ и явленіямъ природы. Этимъ духомъ вѣетъ все языческое богослуженіе нашихъ предковъ. Только для низшихъ божествъ славянинъ-язычникъ успѣлъ выработать въ своемъ сознаниі опредѣленные образы и личности, олицетворявшіе собой русскую природу съ ея широкими рѣками и непроглядными лѣсами, — водяныхъ, русалокъ, лѣсныхъ, также домовыхъ — божествъ двора и домашняго очага. Только эти божества являются вполне обрисованными личностями, съ развитою личною жизнію; что же касается именъ высшихъ божествъ — Сварога, Перуна, Дажбога и друг., то они не возбуждаютъ въ умѣ никакого опредѣленнаго представленія. За областію поэтическихъ сказаній о лѣсныхъ, водяныхъ, русалкахъ, домовыхъ открывается первобытное поле непосредственнаго служенія предметамъ и явленіямъ природы. При такомъ складѣ и характерѣ своихъ религіозныхъ вѣрованій, параллельно съ отсутствіемъ вполне развитой общественной жизни, наши предки-язычники не могли создать и общественнаго богослуженія съ храмами, опредѣленною обрядностію и сословіемъ жрецовъ. И дѣйствительно, когда каждый жилъ «съ родомъ своимъ», замкнуто, то естественно въ данномъ случаѣ должно было преобладать домашнее богослуженіе: каждая семья молилась отдѣльно; жрецомъ былъ старшій родичъ — представитель семьи, храмомъ — домъ. Вотъ почему у

насъ былъ такъ развитъ миѡъ о домовомъ. Только въ особенныхъ случаяхъ, для совершенія самыхъ важныхъ религіозныхъ торжествъ, въ самые важные годовые праздники нѣскольکو семействъ, а иногда и селеній, собирались вмѣстѣ «межи сель» и здѣсь подъ открытымъ небомъ совершали въ честь празднуемаго божества свои незатѣйливые обрядовые пиры и игры. Постепенно эти сборища стали приурочиваться къ опредѣленнымъ мѣстамъ—рѣкѣ, озеру, лѣсу и т. п. и дѣлали эти мѣста особенно священными. Но во всѣхъ этихъ празднествахъ можно усматривать только зародышъ общественнаго богослуженія. Съ теченіемъ времени, при дальнѣйшемъ развитіи нашего язычества, на священныхъ мѣстахъ такихъ собраній, конечно, явились бы храмы, а самыя религіозныя торжества отлились бы въ опредѣленныя обрядовыя формы и такимъ образомъ явился бы опредѣленный общественный религіозный культъ. Но до такой организаціи язычество на Руси не дошло, остановленное въ своемъ развитіи появленіемъ у насъ христіанства.

При такомъ состояніи нашего славяно-русскаго язычества, вполне понятенъ у насъ фактъ мирнаго распространенія христіанства. Высшіе пастыри Церкви здѣсь не встрѣчали равныхъ себѣ по ревности, силамъ, средствамъ и внѣшнему положенію противниковъ въ лицѣ сословія жрецовъ; христіанскіе храмы строились безъ стѣсненія и на мѣстахъ свободныхъ, такъ какъ не было языческихъ храмовъ, которые требовалось бы разрушать для упроченія христіанскаго богослуженія. Наше славяно-русское язычество не имѣло никакого внѣшняго твердаго устоя въ себѣ, чтобы открыто идти противъ христіанства: ему оставалось только мирно уступать дорогу христіанству и таять передъ лучами его.

Но если указанный складъ нашего славяно-русскаго язы-

чества имѣлъ своимъ послѣдствіемъ такое отрадное явленіе въ нашей исторіи, какъ мирное распространеніе у насъ христіанства, то съ другой стороны при тѣхъ условіяхъ, при которыхъ совершилось у насъ распространеніе и утвержденіе христіанской вѣры, онъ имѣлъ и свои печальныя, невыгодныя для Церкви, послѣдствія, которыя далеко не выкупаются мирнымъ просвѣщеніемъ Руси. Народъ крестился большею частью или изъ повиновенія властямъ, или же будучи привлекаемъ къ новой вѣрѣ одною ея внѣшностію и обрядностію. Къ нравственному перерожденію этого множества крещеныхъ людей Церковь не имѣла еще ни времени, ни средствъ. При недостаткѣ просвѣтительныхъ и воспитательныхъ мѣръ, Церковь могла бороться съ язычествомъ только внѣшними мѣрами, истребленіемъ языческихъ святынь, запрещеніемъ языческихъ обрядовъ. Но если гдѣ, то именно у русскихъ славянъ эти внѣшнія мѣры не могли вести къ важныхъ результатамъ; они нисколько не затрогивали внутреннихъ устоевъ нашего язычества, не касались его сущности, не проникали въ то, что составляло его силу и настоящій строй. Все то, противъ чего направлены были внѣшнія мѣры Церкви, было не важно для нашего предка-язычника, такъ какъ не было ему вполне привычно. Поэтому онъ мирно уступалъ христіанству и своихъ кумировъ, и свои богослужебныя собранія, словомъ—всю общественную сторону своей религіи; но за то онъ оставался съ другой ея стороною, самой для него главной и существенной, которой не трогало и не могло пока трогать христіанство,—стороною внутренней, съ привычными взглядами на вещи и всѣми принадлежностями религіи, которыя были внѣ ея общественнаго значенія. Будучи вѣрою частныхъ лицъ, семьи, дома, наше язычество крѣпко сидѣло въ избѣ, и отсюда то его не выживало и долгое время не могло выжить христіанство.

«Если бы у насъ язычество изъ домашней религіи успѣло перейти въ общественную и приобрести всѣ учрежденія последней, говорить въ этомъ случаѣ нашъ извѣстный отечественный историкъ С. М. Соловьевъ, то безъ сомнѣнія, оно гораздо долѣе вело бы явную борьбу съ христіанствомъ, но за то разъ побѣжденное, оно не могло бы оставить глубокихъ слѣдовъ. Если бы христіанство имѣло дѣло съ жрецами, храмами и кумирами, то низложивъ ихъ, оно покончило бы борьбу; язычникъ, привыкшій къ общественному богослуженію и лишенный храма и жреца, не могъ бы долго оставаться язычникомъ; если бы онъ вздумалъ возстановить храмъ и собрать жрецовъ, то это было бы явное сопротивленіе торжествующей религіи, которое влекло бы за собой опять явное пораженіе. Но язычникъ русскій не имѣлъ ни храма, ни жреца, и потому безъ сопротивленія допустилъ строиться новымъ для него храмамъ, съ служителями Бога истиннаго, оставаясь въ тоже время съ прежнимъ храмомъ — домомъ, съ прежнимъ жрецомъ — отцемъ семейства, съ прежними законными обѣдами, съ прежними жертвами у колодца, въ рощѣ... Трудно было бороться съ тайнымъ служеніемъ божествамъ скрываемымъ, домашнимъ»^{*)}. Такимъ образомъ наше славяно-русское язычество, благодаря своему особому складу и характеру, несколько не было поражено у насъ въ самомъ своемъ существѣ и корнѣ введеніемъ христіанства. Мирно принимая христіанскую вѣру, наши предки на самомъ дѣлѣ внутренно въ большинствѣ своемъ оставались собственно суевѣрными язычниками, съ своими прежними языческими воззрѣніями, привычками, обычаями и т. п. Для нашей Церкви предстояла еще широкая многовѣковая задача борьбы съ остатками у насъ язычества, задача воспитанія русскаго народа на новыхъ, христіанскихъ началахъ.

^{*)} Арх. Калачева I. 53.

Трудно сказать, когда и при какихъ условіяхъ началось ближайшее духовно-просвѣтительное воздѣйствіе нашихъ пастырей на народную среду въ видахъ укорененія христіанскихъ понятій и нравовъ, въ противовѣсъ языческому суевѣрному возрѣнію и обычаямъ. Тотъ приблизительный рубежъ, когда Церковь Русская перешла отъ внѣшнихъ мѣръ въ борьбу съ язычествомъ къ мѣрамъ просвѣтительнымъ и воспитательнымъ, скрывается отъ насъ за темной завѣсой отдаленной старины, о которой сохранилось очень мало свѣдѣній. Не менѣе затруднительно указать и общій ходъ историческаго развитія дѣятельности нашихъ пастырей для искорененія въ народѣ языческихъ суевѣрій. Христіанство насаждается у насъ на громадномъ пространствѣ, зеселенномъ разными племенами, подъ разными условіями жизни и разнообразными вліяніями сосѣднихъ народовъ. Въ одномъ мѣстѣ новыя христіанскія понятія усвоились скорѣе и полнѣе, въ другомъ медленнѣе и въ болѣе искаженномъ видѣ. Отсюда происходило то, что тогда какъ въ одномъ мѣстѣ языческія суевѣрія принимали новый характеръ въ своемъ направленіи, въ другомъ продолжали существовать еще въ прежнемъ видѣ. Другое затрудненіе въ этомъ случаѣ представляетъ хронологическая неопредѣленность многихъ, иногда очень существенныхъ, памятниковъ пастырской дѣятельности за первые періоды нашей исторіи. Въ данномъ случаѣ можно намѣтить только лишь главныя точки историческаго движенія этой дѣятельности противъ язычества и указать приблизительный, средний рубежъ между грубымъ языческимъ складомъ народнаго суевѣрія и началомъ поглощенія его христіанствомъ—XIII и XIV вѣка. Дѣятельность пастырей Церкви до этого времени прямо направлена противъ язычества, обнаруживаетъ самостоятельность послѣдняго, существованіе его наряду съ христіанствомъ. Новая

вѣра еще не вытѣснила старую, даже не измѣнила ее; обѣ соединились между собой чисто механически, а не органически. Народъ ясно помнилъ свою прежнюю догматику и обрядность; и ту и другую поученія представляютъ въ животрепещущихъ чертахъ. За это время суевѣріе является язычествомъ въ собственномъ смыслѣ этого слова, существующимъ въ качествѣ придатка къ христіанству. Послѣ XIII—XIV вѣка язычество видимо ступшевуается, его догматика забывается; въ поученіяхъ нашихъ пастырей является на первомъ планѣ обличеніе не мифа, а языческой обрядности, которая пережила мифъ, но безъ него и сама поблѣднѣла и потеряла свой смыслъ. Послѣ грубаго двоевѣрія постепенно является другое двоевѣріе, состоящее не въ механическомъ, а въ органическомъ соединеніи двухъ вѣръ, причемъ язычество поглощалось христіанствомъ, примѣшивая къ послѣднему своеобразный языческій оттѣнокъ. На этой второй ступени язычество, соединившись органически съ христіанствомъ, является суевѣріемъ въ собственномъ смыслѣ этого слова. Оторванное отъ своей настоящей почвы и поглощаемое постепенно христіанствомъ, оно отливается и формируется уже въ настоящей складъ нашихъ народныхъ языческихъ суевѣрій, который проникаетъ и теперь наше народное религіозное міросозерцаніе. Въ виду этого можно раздѣлить дѣятельность нашихъ пастырей для искорененія въ народѣ языческихъ суевѣрій приблизительно на два періода, до XV вѣка и послѣ XV вѣка.

Обращаясь къ ближайшему изученію памятниковъ духовно-просвѣтительной дѣятельности нашихъ пастырей противъ народныхъ языческихъ суевѣрій до XV вѣка, мы встрѣчаемся съ этими памятниками главнымъ образомъ съ XI вѣка. Начиная съ этого времени, за указанный нами періодъ до насъ сохранилось, въ качествѣ памятниковъ такой дѣятельности нашихъ пастырей,

нѣсколько словъ и поученій, или извѣстныхъ подъ именемъ ка-кого-нибудь св. отца Церкви, или безъ всякаго упоминанія имени автора. Первый рядъ такихъ словъ и поученій представляетъ изъ себя обличеніе въ нашихъ предкахъ преимущественно суевѣрнаго почитанія языческихъ божествъ и поклоненія имъ, наряду съ христіанскимъ богочтеніемъ. Самый древнѣйшій изъ всѣхъ, дошедшихъ до насъ, памятниковъ въ этомъ родѣ, есть поученіе, извѣстное подъ именемъ *Слова Григорія Богослова*; оно не позднѣе XI вѣка *). Въ этомъ словѣ проповѣдникъ обличаетъ главнымъ образомъ суевѣрное языческое поклоненіе и жертвоприношеніе студенцамъ и колодезямъ, Дію или Дивіи, обоготвореніе рѣкъ и звѣря, или животнаго рѣчнаго, и др. «Овъ (иной) путь смѣреномъ (правильный) уклони и прѣврати на неправѣдныя правду,—говоритъ онъ. Овъ възненавидѣ въ вра-тѣхъ обличающа, и слово божіе възненавидѣ. Овъ пожре (жертву принесъ) неводу своему, имъшю (изловившему) много. Овъ трѣбу (жертву) сътвори на студеньци (колодцѣ), дѣжда (дожда) нскы (прося) отъ него, забывъ яко Богъ съ небесе дѣждь даетъ. Овъ несущимъ богомъ жьреть, и Бога, створьшаго небо и землю раздражаетъ. Овъ рѣку богыню нарицаетъ и звѣрь, живущъ въ ней, яко Бога нарицая, трѣбу творить **). Овъ—Дью (Зевсу?), другой ***). А инъ градъ чететь». Въмѣстѣ съ тѣмъ проповѣдникъ частію касается въ этомъ словѣ обличенія и суевѣрныхъ языческихъ обычаевъ и предрасудковъ, каковы дерновая присяга, клятва человѣческими костями, гаданіе и предсказаніе по птицамъ и вѣрованіе во встрѣчу. «Овъ же дѣрънъ въскрущъ на главѣ покладая, присягу творить ***); овъ присягы человѣчами

*) Изъ Акад. наукъ 2-го отд. 1855 г.

**) Въ поученіяхъ Серапіона, епископа Владимірскаго, упоминается, что водяному божеству бросали людей во время голода (Приб. къ Твор. св. о. 1843 г.).

***) Въ словѣ о полку Игоревѣ упоминается Дивъ.

****) По скандинавскому обычаю, во время клятвы клали кусокъ дерна на голову; тоже иногда практиковалось и у насъ въ древней Руси.

творить. Овъ кобени птицъ (ворожбу по птицамъ) смотреть. Овъ срътєннїа сумнитсѧ».

Съ гораздо большею подробностію перечисляетъ языческихъ божествъ и обличаетъ суевѣрное почитаніе и поклоненіе имъ, наряду съ христіанскимъ богопочтеніемъ, другое поученіе, также извѣстное подъ именемъ *Слова Григорія Богослова XIV в.**)). Это поученіе замѣчательно тѣмъ, что оно излагаетъ краткую исторію происхожденія славянскихъ боговъ, производя ихъ отъ Вавилонянъ, Грековъ и Римлянъ. Само по себѣ это поученіе представляетъ изъ себя не что иное, какъ передѣлку слова Григорія Богослова на Богоявленіе. «Еллины дѣлають требокладенье (жертвоприношеніе) грому и мольнѧи, и Виду, богу Вавилонскому, егоже разби Данило пророкъ,—говорить въ этомъ словѣ проповѣдникъ; тѣмъ же богомъ требу кладуть и творять и словенскій языкъ: Видамъ (русалкамъ) и Мокошѧи, Дивѣ, Перуну, Хърсу, Роду и Рожаницѧи **), Упиремъ и Берегынѧмъ ***) и Переплуту, и вертячесѧ пьють ему въ розѣхъ (т.-е. изъ роговъ, которые въ древнее время служили вмѣсто стакановъ), и огневи Сварожицю молятсѧ и навѣмъ (мертвымъ) мѣвь творять и въ тѣстѣ мосты дѣлають и колодязѣ и ина многая... Начаша елини ставити трапезу Роду и Рожаницамъ, таже римляне, даже и до словенъ доиде. Сеже словене начали трапезу ставити Роду и Рожаницамъ, переже Перуна бога ихъ, а прежде того клами требы Упиремъ и Берегынѧмъ. По святѣмъ же крещеніи Перуна отринуша, а по Христа Бога яшасѧ; нѣ (но) и и нынѧ по украиномъ ихъ молятсѧ проклятому богу ихъ Перуну, Хърсу, и Мокоши, и Видамъ; нѣ то творять акы отай, сего же не могутъ ся лишити, наченше въ поганствѣ, даже и доселѣ проклята-

*) Лѣт. русск. лит. Тихонравова IV. 100—101; также 97.

**) Богиня судьбы, надвляющая счастьемъ при рожденіи человѣка.

***) Упырь-вампиръ, перемѣчикъ; берегынѧ—водяное существо, русалка.

го таго ставленія вторыя тропезы Роду и Рожаницамъ на прѣльстѣ вѣрнымъ хрестьяновъ и на хулу святому крещенію и на гнѣвъ Богу. По святѣмъ крещеніи череву работни попове оставиша трепарь прикладити Рожества Богородицы къ Рожаничѣмъ трапезѣмъ отклады дѣюче». Обличая поклоненіе языческимъ божествамъ, проповѣдникъ, какъ видно, въ особенности вооружается противъ ставленія трапезы Роду и Рожаницамъ. Онъ производитъ этотъ обычай отъ Грековъ и Римлянъ и особенно нападетъ на соединеніе почитанія Рода и Рожаницъ съ почитаніемъ Рождества Пр. Богородицы.

Съ небольшою подробностію перечисляетъ языческихъ боговъ и обличаетъ суевѣрное почитаніе ихъ и *Слово нѣкоего христолюбца, ревнителя по правой вѣрѣ**). «Яко Илья Фезвитянинъ,—говоритъ составитель этого слова,—заклавы ереа жерца числомъ 300 и рече: ревнуя поревновахъ по Господѣ вседержители. Тако и сей не мога терпѣти хрестьянъ двоевѣрно живущихъ: и вѣрують въ Перуна, и въ Хорса, и въ Мокошь, и въ Сима и Рѣгла, и въ Вилы, ихъ же числомъ тридевятъ сестрѣницъ, глаголять невѣгласи и мнѣть богинями, и та подклады вахуть имъ теребы, и куры имъ рѣжуютъ, и огневи молятся, зовуще его сварожичемъ и чееновитокъ; богомъ же его творять. Егда же у кого будетъ пиръ, тогда же кладуть въ ведра и въ чаши и пьютъ о идолѣхъ своихъ, веселящися; не хужыше суть еритиковъ, ни жидовъ, иже въ верѣ и во крещеніи тако творять, не токмо невѣжи, но и вѣжи (просвѣщенные), попове и книжници. Аще ли не творять тако вѣжи, да пьютъ и ядятъ моленое (жертвенное) то брашно. Аще ли не пьютъ, ни ядятъ, да видять дѣянія ихъ злая; аще ли не видять, да слышать и не хотять ихъ поучити». Обличая поклоненіе языческимъ божествамъ,

*) Лѣтоп. лит. Тихонравова VI, 93.

проповѣдникъ указываетъ, что этого не чужды были и сами пастыри; а если они и не всегда участвовали въ немъ, то не хотѣли научить заблуждающихся *). Въ дальнѣйшихъ словахъ своего поученія авторъ приводитъ рядъ текстовъ изъ Свящ. Писанія, въ обличеніе полной несомвѣстимости христіанской и языческой жизни, и наконецъ переходитъ къ обличенію другихъ языческихъ суевѣрныхъ обычаевъ. «Того ради не подобаетъ крестьяномъ игръ бѣсовскихъ играти,—говоритъ онъ,—еже есть плясанье, гуденье, пѣсни мирскія и жертвы идольскія; еже молиться огневи подь овиномъ, и Виламъ, и Мокоши, и Симу, и Рыглу, и Перуну, и Роду и Рожаницѣ, и всѣмъ тѣмъ, иже суть тѣмъ подобни... Не тако же зло творимъ просто, но и мѣшаемъ нѣкія чистыя молитвы съ проклятымъ моленьемъ идольскимъ, иже ставятъ лише кутія ины трапезы, законнаго обѣда, иже нарицается беззаконная трапеза, мѣнимая (приносимая) Роду и Рожаницамъ и въ прогнѣванье Богу». Здѣсь проповѣдникъ, какъ видно, подобно автору приведеннаго ранѣе слова, вооружается особенно противъ соединенія языческаго обычая ставленія трапезы Роду и Рожаницамъ съ христіанскими. Свое поученіе проповѣдникъ заканчиваетъ снова рядомъ выдержекъ изъ Свящ. Писанія въ обличеніе языческихъ обычаевъ.

Подробныхъ обличителемъ суевѣрнаго почитанія языческихъ божествъ наряду съ христіанскимъ богочтеніемъ является и авторъ слова XIV вѣка, приписываемаго Іоанну Златоусту. Слово это находится въ сборникѣ «*Златая цѣпь*», и полное его заглавіе: *Слово Св. Отца нашего І. Златоустаго, архіеп. Константины града о томъ, како първое погани вървали въ идо-лы, и требы имъ клали, и имена имъ нарекали, яже и нынѣ мнози тако творятъ и въ крестьянствѣ суще: а не въдаютъ,*

*) Судя по тому, что проповѣдникъ обличаетъ здѣсь и священниковъ, можно догадываться о его епископскомъ санѣ.

что есть крестьянство *). «Горе вамъ, вожевъ слѣпи, — обращается проповѣдникъ въ этомъ поученіи къ своимъ слушателямъ, — ни сами входите, но и хотящимъ внити не даете. Человѣчи забывше страха божия небрежениемъ и крещенія отвергошася, и приступиша къ идоламъ, и начаша жрети молнии и грому, и солнцю и лунѣ. А друзии Перуну, Хурсу, Виламъ и Мокуши, Упиремъ и Берегынямъ, ихже нарицають три-9 сеетриницъ; а инии въ Сварожитца вѣрують, и въ Артемиду, имже невѣгласи (невѣжи) человѣчи молятся, и куры имъ рѣжутъ.... А друзии къ кладѣзѣмъ приходяще молятся, и въ воду мечють велеару (сатанѣ) жертву приносяще. А друзии огнѣви и камѣнию и рѣ-камъ и источникомъ, и Берегынямъ, и въ дрова; не токмо же прежде въ поганствѣ (въ язычествѣ), но мнози и нынѣ то творять; а крестьяны ся наричающе, мосты и просвѣты, и бдѣлники, и чрезъ огонь скачють, мнящеся (кажутся) крестьяны, а поганьская дѣла творять; навѣмъ мовь творять (окликають мертвыхъ) и попелъ посредѣ сыплють, и проповѣдающе мясо и молоко, и масла и яйца, и вся потребная бесомъ; и на печь и льюще въ бани, мытися имъ велятъ. Чехоль и убрусъ (платокъ) вѣшающе въ молвици (въ мовницы, т.-е. въ банѣ). А друзии вѣрують въ Стрибога, Дажьбога, и Перенлута.... каки бо суть крестьяни, а послушающе кощюнь елинскихъ и басней жидовскихихъ, и рождество (рожаницу) и почитанийъ звездныхъ, и птица гласа (гаданія по крику птицъ), и чаровѣ, и волхвованія, и законія деннии, и лѣтъ, и сновъ, и надъ источники свѣща вжагающа, и кумирскую жертву ядятъ, и кровь, и удавленину, и звѣремъ уядено, и птицами угнѣтено. Многа ина подобная симъ: како крестьяни нарецися имуть, а сице творяще?» Здѣсь проповѣдникъ, какъ видно, обличая поклоненіе языческимъ бо-

*) Лѣтоп. литер. Тихонравова VI. 105—110-

жествамъ, въ особенности вооружается противъ моленія колодезямъ, источникамъ, огню, деревьямъ и камнямъ, скаканія чрезъ огонь, окликовъ мертвыхъ; вмѣстѣ съ тѣмъ онъ упоминаетъ о чарахъ и волхвованіи, переряживаніи и маскахъ. Въ заключеніи составитель слова рядомъ увѣщаній проситъ своихъ слушателей бросить всѣ эти языческіе обычаи, указывая на всю несовмѣстность служенія Христу и дьяволу.

Это же самое слово, но передѣланное, обличаетъ главнымъ образомъ волхвованіе, зрѣлища, игры, скоморошество, пѣсни, плесканія рукъ; въ заключеніе слово грозитъ вѣчною мукою и совѣтуетъ христіанамъ разсуждать о пророчествахъ и ученіи Святыхъ *).

Наконецъ до насъ дошло поученіе, извѣстное подъ заглавіемъ: *Слово пророка Исаіи истолковано Св. І. Златоустомъ* **). Это слово представляетъ изъ себя не что иное, какъ толкованіе на 9—14 стихи 65 главы пр. Исаіи, и направлено противъ особенно распространеннаго и укоренившагося языческаго обычая поставленія трапезы Роду и Рожаницамъ, слѣды котораго можно находить и теперь. Служеніе этимъ божествамъ (работаніе) заключалось въ моленіи и обѣдѣ, для котораго между прочимъ варили кашу, и кромѣ того въ стриженіи первыхъ волосъ у дѣтей и въ пѣніи пѣсенъ ***). Цѣлю этихъ требъ было частію созываніе—собираніе Роженицъ, частію умилоствленіе и передача дѣтей подъ ихъ покровъ; основаніемъ всего этого было вѣрованіе въ силу ихъ и вліяніе на судьбу новорожденныхъ. Въ своемъ поученіи, направленномъ противъ суевѣрнаго служенія Роду и Рожаницамъ, проповѣдникъ примѣняетъ слова пр. Исаіи къ обличенію этого служенія и объясняетъ ихъ примѣни-

*) Лѣтоп. лит. Тихонравова IV, 100.

**) Архивъ историко-юрид. свѣд. Калачева II кн. I ч.

***) Слѣды этого языческаго обычая сохранились въ нашей крестинной кашѣ, безъ которой, какъ извѣстно, не обходится ни одинъ крестинный обѣдъ въ простонародьѣ.

тельно къ этому случаю. *Рече Господь: насладятъ гору святую мою избранныи мои, раби мои.* Взявъ этотъ стихъ изъ 65 гл. книги пр. Исаи, проповѣдникъ объясняетъ его такъ: «Раби суть то, иже служатъ Богу, а не Роду, ни Рожаницамъ, ни кумиромъ суетнымъ: то суть слуги божія, иже приносятъ честную жрътву живу Богу въ крѣпости сердца своего съ разумомъ добраго ученія». Въ этомъ же родѣ онъ продолжаетъ и дальнѣйшее объясненіе стиховъ. *И будутъ въ лузѣ (на лугу) ограда овцамъ:* «Лугъ наречется рай,—объясняетъ проповѣдникъ, —а ограда райская мѣста, а овцѣ — вѣрніи людіе, иже работаютъ Богу, а не Рожаницамъ»... *Вы же оставльши мя и забывающе гору святую мою и готовяюще трапезу Роду и Рожаницамъ наплывяюще бѣсомъ черпаня...* *Сего ради тако глаголетъ Господь: се работающіи ми ясти начнутъ, вы же взалчете;* но тою сыти есте трапезою, яже готоваете Рожаницамъ. *Се работающей ми пити качнутъ, вы же възжадаете;* но то шйте, иже то исполняете чръцанія бѣсомъ. *Се работающей мнѣ возвеселятся, вы же постыдитесь.* *Се работающіи ми возрадуются въ веселіи сердца, вы же,* работающей бѣсомъ и служащей идоломъ и ставляюще трапезу Роду и Рожаницамъ, *возопіете въ болѣзни сердца вашего и отъ скрушенія духа всплачетеся.* Тому же ся събыти нѣсть здѣ, но въ ономъ вѣцѣ: остависте бо утѣшеніе ваше и покой будущаго вѣка избраннымъ моимъ, васъ же убіетъ Господь Богъ; а работающіи ми благословятся, поютъ Богу истинному, а вы поете пѣсни бѣсовскыя идоломъ, Роду и Рожаницамъ». Въ заключеніе проповѣдникъ умоляетъ своихъ слушателей отстать отъ этого сатанинскаго обычая — поставлять трапезу Роду и Рожаницамъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ОБЪЯВЛЕНИЕ.

ЛѢЧИТЕСЬ

Эфедрою (трава «Кузьмича») майскаго сбора. Единственное народное, вѣрнѣйшее средство лѣченія даже и застар. хронич. болѣзней: ревматизма всѣхъ видовъ, ломоты, катарра желудка и кишекъ, всякаго разстр. пищевар. органовъ, запора, дезинтерии (вообще болѣзни живота), одышки, удушья, кашля, голов. боли, малокровія и воспал. глазъ; въ нѣк. случ. помогаетъ и отъ сифилиса, противъ кот. иногда остаются безсил. и дорогія аптеч. средства, лѣченіе эфедрою во всякое время и при др. болѣз. не вредно; эфедра, уничтожая страданія одной болѣзни, не разстраиваетъ др., что иногда случ. отъ лѣченія меркуріал. средствами. (см. брошюр. Портанскаго). цѣна 3 р., 1 р. ф. безъ пер. Прилагаю способъ лѣченія съ раз. Врачеб. Инспек. По желанію бесплатно прилагаю при 3 ф. одну, при 5 ф. двѣ брошюры Портанскаго о травѣ, стоящей 50 к., по коей, кромѣ руководства болѣе практичнаго лѣченія, можно хорошо отличить настоящую траву отъ негодной. Адресъ Г. Бузулукъ, Самар. губ. Михаилу Петровичу Елистратову. Соб. домъ № 848.

Редакторъ, Ректоръ Семинаріи, Архимандритъ Стефанъ.

Печатаць дозволяется. Якутскъ. Іюня 8 дня 1894 года.

Цензоръ, Преподаватель Семинаріи Стефанъ Парышевъ.